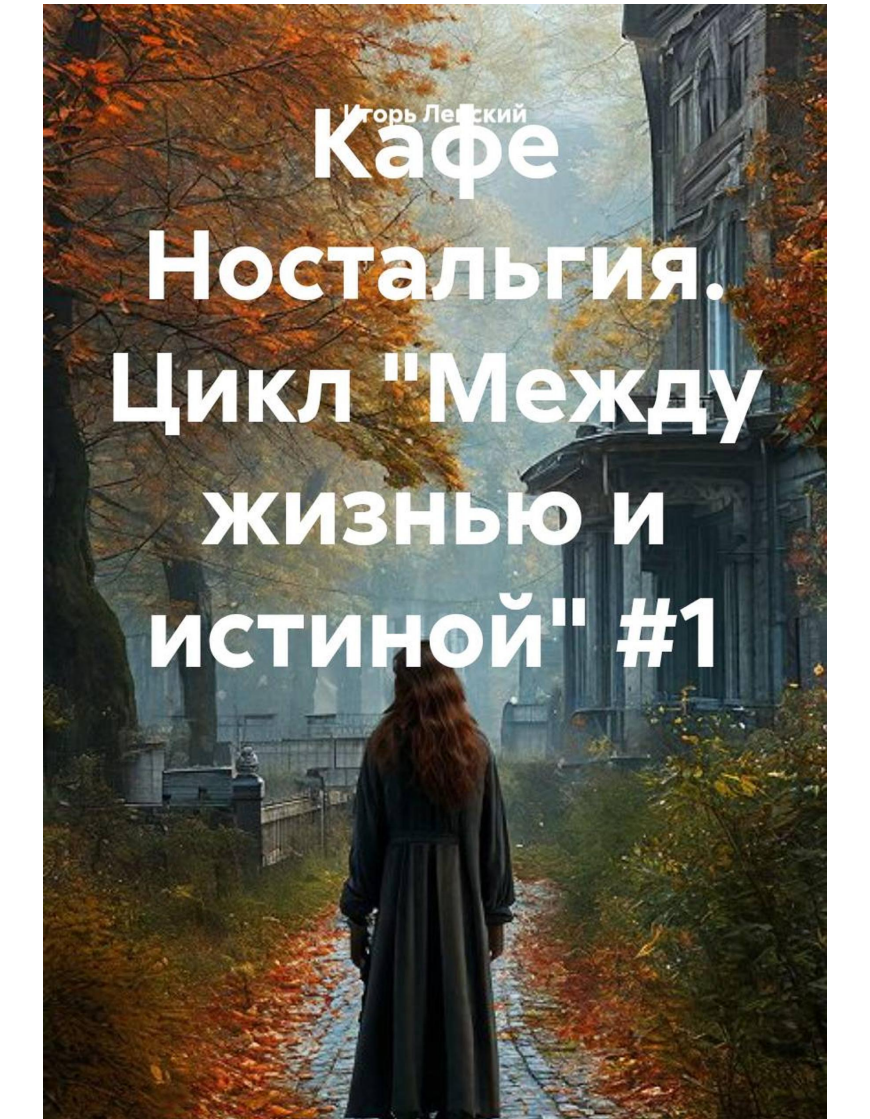

A woman with long brown hair, wearing a dark, long-sleeved coat, is seen from behind, walking away on a cobblestone path. The path is covered with fallen orange and yellow autumn leaves. To the left, there are trees with vibrant autumn foliage. To the right, a large, dark, multi-story building with classical architectural features like columns and arched windows is visible. The overall atmosphere is misty and nostalgic.

Игорь Левский
Кафе

**Ностальгия.
Цикл "Между
жизнью и
истиной" #1**

Игорь Ленский
Кафе Ностальгия. Цикл
"Между жизнью и истиной" #1

<https://litres.ru/74237869>

SelfPub; 2026

Аннотация

Таинственное исчезновение Риты оставляет больше вопросов, чем ответов, увлекая Егора за грань привычной реальности. В поисках пропавшей девушки он сталкивается с тем, что обычный мир лишь прикрытие для тонкого, невидимого измерения, где переплетаются судьбы, звуки и мистика. Старые ноты и древние руны становятся единственным ключом к разгадке. Но удастся ли Егору вернуть Риту из этого зловещего зазеркалья, или грань между мирами сотрется навсегда?

Содержание

Глава	4
Кафе Ностальгия	5
Lensky	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Игорь Ленский
Кафе Ностальгия.
Цикл "Между
жизнью и истиной" #1

Глава

Cover Page

Кафе Ностальгия

Кафе Ностальгия

Lensky

Пролог: Граница

Смерть пахнет не сырой землей. Она пахнет лекарствами, стерильной белизной и далекой, едва слышной музыкой, которая пробивается сквозь гул аппаратов жизнеобеспечения.

Когда Егор был там — в той белой пустоте, куда его выкинуло после операции, — он не сразу понял, что граница стерлась. Ему казалось, что это просто последствия морфия: галлюцинации, рассыпающиеся под веками, как пепел. Он видел золотистый свет, видел узоры на кованой решетке и чувствовал запах озона, предвещающий грозу, которой не было в реальности.

Он тогда не запомнил лица. Он запомнил только глаза — черные, как безлунная ночь, и полные такой острой, нечеловеческой тоски, что даже в бреду у него сжималось сердце. Он видел, как она прижимает ладонь к холодному стеклу. Он хотел протянуть руку, помочь, вытянуть ее из этого аквариума, где время остановилось, превратившись в бесконечный джазовый аккорд.

Но потом врачи заставили его вернуться. Реальность ударила в грудь резким вдохом, мониторы запищали, возвращая его в мир живых, а видение растаяло, как утренний туман над Шпрее.

Егор вычеркнул это из памяти. Он считал, что это был просто страх — страх человека, который однажды уже заглянул в бездну и побоялся признаться себе, что она посмотрела на него в ответ.

Он не знал главного.

Грань, которую он тогда перешел, никуда не исчезла. Она просто ждала, когда он снова окажется достаточно уязвим, чтобы услышать музыку, которая играет лишь для тех, кто ищет истину даже там, где ее быть не должно.

Берлин спал, но в одном из его забытых кварталов, за дверью, которой не было на картах, кто-то продолжал ждать.

Ждать, когда он вернется.

Глава 1: Отголоски реальности

Прошло всего несколько месяцев с того дня, как в гараже Томаса была поставлена точка, но по ночам Егор всё ещё чувствовал запах свежего бетона и сырой земли. Он часто просыпался от того, что перед глазами всплывало лицо Нины, а в ушах стоял тихий, вкрадчивый голос Томаса, оправдывающего своё чудовищное преступление. Егор пытался вернуться к нормальной жизни, к рутинным отчетам и бу-

мажной работе, но каждый раз, закрывая глаза, он словно проваливался в ту же самую темноту, в которой когда-то похоронили надежды целой семьи.

Вечер того дня был душным, пропитанным июльским ма-ревом. Егор забрел в незнакомый квартал, где дома выглядели как декорации к старому кино. Узкая улочка привела его к тускло освещенной вывеске: «*Café Nostalgie*». Егор не помнил, чтобы эта вывеска попадалась ему раньше, но тяжелая деревянная дверь поддалась с таким знакомым жалобным скрипом, словно ждала его.

Внутри было пусто. Егор прошел вглубь, к углу, где за массивным стеклом располагалась сцена. Пианист играл с механической точностью, а девушка в шелковом платье пела так, будто ее голос пробивался сквозь толщу замерзшей воды. Когда охранник на мгновение отвернулся, девушка прервала песню. Она подошла к стеклу, и её взгляд — тяжелый, полный невыразимой тоски — впился в Егора.

Она приложила бледную ладонь к стеклу. Егор, охваченный странным оцепенением, шагнул навстречу. Между ними осталось лишь прозрачное препятствие, холодное до боли.

— *Найди убийцу*, — прошептала она, и звук этот отозвался в его черепе вибрацией, от которой потемнело в глазах.

Мир вокруг начал плавиться, цвета смешались, как краска под дождем. Егор дернулся, пытаясь разбить стекло, его сердце колотилось где-то в горле...

Егор резко сел на кровати, хватая ртом воздух. Постель

была мокрой от холодного пота. В спальне стояла тишина, нарушаемая лишь далеким шумом проезжающей машины, а не призрачной музыкой «Кафе Ностальгия».

Он дрожащими руками провел по лицу. Сердце постепенно замедляло бег. Сон. Просто кошмар, вызванный усталостью и памятью о деле Нины. Но это ощущение липкого страха было чересчур реальным.

Егор замер. В голове внезапно вспыхнул обрывок образа из недавнего прошлого — точнее, из того времени, когда он лежал последний раз на больничной койке после операции, накачанный морфием. Тогда, в полубреду между жизнью и смертью, он уже видел это кафе. Видел эту сцену за стеклом и эту девушку. Но тогда он принял это за побочный эффект медикаментов, за галлюцинацию воспаленного мозга, и, вернувшись в сознание, благополучно вытеснил этот образ из памяти, посчитав его просто бредом.

Теперь, спустя месяцы, видение вернулось с той же четкостью. Егор встал и подошел к окну. Ночь за окном казалась ему сегодня подозрительно похожей на ту, что он видел в своем кошмаре.

— Это не просто сон, — прошептал он в пустоту комнаты.

Он чувствовал, как невидимая нить, возникшая тогда, в морфийном забытии, теперь натянулась до предела, соединяя его — живого, настоящего — с чем-то, что требовало его помощи из-за грани, которую он не мог объяснить даже самому себе.

Глава 2: Эхо несбывшейся ноты

Егор не мог уснуть до самого рассвета. В его квартире, зажатой между старыми кирпичными домами Берлина, царила вязкая тишина, которую изредка нарушал лишь отдаленный гул ночных трамваев, да шум проезжающих машин. Он сидел в темноте, не включая лампу, и вновь перебирал в памяти детали того странного, тягучего сна. Тот «морфийный» бред, который он когда-то поспешно списал на побочные эффекты сильных препаратов после операции, теперь казался пугающе реальным.

Это не была галлюцинация. Это была вспышка памяти — глубоко запрятанный, болезненный кусок реальности, который его сознание заблокировало, будучи не в силах переварить. Пока он лежал на операционном столе, балансируя на тонкой грани между бытием и забвением, его подсознание, словно радиоприемник, настроилось на частоту, доступную не всем. Он видел её. Он чувствовал этот холодный, почти осязаемый запах старого дерева и озона.

Руки Егора слегка дрожали. Он поднялся с кресла и, стараясь не шуметь, поставил вариться кофе. Горький, обжигающий напиток — единственное, что помогало хоть немного привести мысли в порядок.

Вернувшись к рабочему столу, он привычным движением открыл крышку ноутбука. Экран монитора ударил в лицо

резким, холодным светом. Зайдя на открытый портал криминальной полиции, он начал просматривать архивы «глухареЙ» — дел, которые годами пылились в цифровых хранилищах. Это были те самые истории, где официальное следствие окончательно заходило в тупик, и полиция, отчаявшись, выставляла данные в публичный доступ, надеясь на помощь случайных свидетелей или чью-то память.

Час за часом Егор пролистывал электронные картотеки. Лица промелькивали перед глазами — сотни судебных, превратившихся в сухие строчки отчетов. И вот его взгляд споткнулся о фотографию.

Егор увеличил изображение и замер. Дыхание перехватило.

Это была она. Та самая девушка из его сна, та самая, чей образ он хранил в подсознании как осколок разбитого зеркала.

Рита.

Она пропала ровно два года назад. Дочь эмигрантов из бывшего СССР, приехавших в Германию в поисках новой жизни, она сама стала частью этого города, впитав его меланхолию и джазовый ритм. Рита была талантливой пианисткой и вокалисткой, чьи выступления в полуподвальных джазовых клубах собирали тех, кто искал в музыке что-то большее, чем просто развлечение.

Согласно полицейскому протоколу, тот вечер начался как обычная городская история. Рита выступала в одном из клу-

бов, а после, желая развеяться, отправилась в парк недалеко от дома, где её ждала компания друзей. Свидетели в один голос твердили: она была в хорошем настроении, смеялась, обсуждала планы на отпуск. Около пяти часов утра, когда первые проблески зари начали пробиваться сквозь густые кроны деревьев, друзья разошлись. Рита, как всегда, была на своем велосипеде. До дома было всего пять минут пути — короткая дорога через лабиринт аллей большого городского парка, который днем казался приветливым, но ночью превращался в переплетение теней и тумана.

Но Рита так и не доехала. Она растворилась в этом пространстве, будто её никогда здесь и не было.

Уже на следующее утро полиция нашла её велосипед на одной из троп — он лежал на боку, абсолютно нетронутый, словно его хозяйка просто сошла с него и шагнула прямо в пустоту. Ни следов борьбы, ни свидетелей, ни зацепок.

Егор медленно отстранился от экрана. Его пальцы нащупали на столе блокнот — истертый, с потрепанными краями. Он открыл чистую страницу и начертил дату исчезновения.

Игра началась. И на этот раз, чувствовал Егор, правила диктовала не логика сыщика и не жажда мести. Правила диктовало нечто гораздо более древнее, темное и непонятное, что ждало его в глубине парковых аллей. Он понял: он больше не просто следователь. Он — свидетель, который обязан увидеть то, что скрыто от глаз остальных.

Глава 3: Свидетель увядшей памяти

Берлинский обеденный час пролетел в густом шуме уличного трафика и звоне посуды. Кафе напротив здания криминальной полиции было набито людьми, но за столиком в самом дальнем углу царила почти осязаемая тишина. Комиссар Ковальский, человек с усталыми глазами и лицом, изборозженным сетью глубоких морщин, пододвинул Егору сложенный лист бумаги.

— Ты ходишь по тонкому льду, Егор, — негромко произнес Ковальский, не прикасаясь к своему остывающему кофе. — Это дело «висело» два года, и никто не смог найти ни одной ниточки. Зачем тебе ворошить пепел? Тебя никто не нанимал, официально ты не имеешь права даже запрашивать эти данные.

Егор спрятал листок во внутренний карман куртки, не сводя глаз с комиссара.

— Я пока не знаю, Ковальский, — честно ответил он. — Но я надеюсь, что вскоре всё пойму. Иногда правда лежит не в протоколах, а там, где о ней стараются забыть.

Ковальский лишь тяжело вздохнул, понимая, что отговаривать Егора бесполезно. Он знал его упрямство и ту странную интуицию, которая не раз выводила его на верный след в самых безнадежных делах.

Вернувшись в квартиру, Егор разложил полученную информацию на столе. Семья Риты была небольшой, но трагич-

ной. Мать девушки скончалась за год до того, как Рита исчезла — эта ранняя смерть стала первым ударом, подкосившим их домашний очаг. Других родственников в Германии у них не осталось, и после того, как Рита пропала, её отец — человек, чья жизнь была посвящена заботе о дочери, — окончательно сломался.

Он превратился в призрака в собственном доме. Не выдержав череды потерь, старик сильно сдал, едва не потеряв рассудок от горя. Сейчас он вел подчеркнуто затворнический образ жизни, почти ни с кем не общаясь и редко покидая свою квартиру. Регулярные визиты к психологу были его единственной связью с внешним миром — попыткой удержать то, что осталось от его рассудка, в узде.

Егор понимал: именно этот человек — отец Риты — хранил в себе ключи к той части жизни девушки, которая не попала в полицейские отчеты. Он был единственным, кто знал, чем жила Рита, о чем мечтала и, возможно, чего боялась в свои последние дни. Егор чувствовал, что разговор с ним будет не простой беседой, а погружением в чужую, выжженную горем память.

Сделав глубокий вдох, Егор наметил маршрут. Он знал, что старик живет в районе, где время словно застыло, скрытое от шумных проспектов Берлина. Там, в тишине закрытых квартир, и пряталась правда, ради которой Егор был готов рискнуть остатками своего покоя.

Игра, которую он начал, перешла из плоскости цифро-

вых данных в реальный мир, где за каждой закрытой дверью скрывалась тайна, требующая не просто ответов, а искупления.

Глава 4: Голос из пустоты

Адрес отца Риты, господина Штайна, привел Егора в старый район на окраине города, где фасады домов были покрыты серой копотью, а окна смотрели на улицу с какой-то безразличной усталостью. Егор нажал на кнопку звонка с фамилией Штайн. Долгое время никто не отвечал, и он уже было подумал, что дом пуст, но послышался щелчок и дверь в парадную поддалась.

Егор поднялся этажом выше и нашел нужную квартиру. Дверь приоткрылась, удерживаемая тяжелой металлической цепочкой. На Егора смотрели глаза человека, который давно перестал ждать от мира хоть чего-то хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.